

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 110–117

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 110–117

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

Научная статья

УДК 811.512.122'373'47

**Жанр проклятия 'қарғыс' в казахском языке:
вера в магическую силу слова сохраняется до сих пор?**

З. К. Темиргазина[✉], Г. К. Абзудинова, Ж. К. Сагынтаева

Павлодарский педагогический университет имени Алькея Маргулана, Казахстан, 140005,
г. Павлодар, ул. Мира, д. 60

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, zifakakbaevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Абзудинова Гульсум Кенжебековна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы, guleke160265@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Сагынтаева Жулдуз Кайратовна, Ph.D., старший преподаватель кафедры казахского языка и литературы, abitovad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Аннотация. Речевой жанр проклятия, анализируемый в статье, относится к древнейшим жанрам устной коммуникации в казахской культуре. Он основан на вере в магическую функцию слова, в способность принести вред и зло проклиняемому с помощью магических сил. Қарғыс – это паттерн, его устойчивые вербальные формулы сохраняются в языковом сознании современных носителей языка, несмотря на то что архаические основы паттерна могут не полностью осознаваться ими. Целью статьи является анализ специфики пропозиционального устройства жанра проклятия в казахском языке, типологизация по характеру наносимого адресату вреда и зла, выявление некоторых культурно-языковых и прагматических особенностей этого речевого жанра. Так, например, для осуществимости и силы воздействия қарғысов важен статус проклиняющего и проклиняемого – возрастной, семейный, социальный. Значима и принципиальна объективация в қарғысе глагольного предиката, даже усеченные формы сохраняют его. Актанты в структуре пропозиции проклятия факультативны, их элиминация осуществляется на различных семантико-прагматических основаниях. В казахском языке предусмотрены формулы противодействия деструктивному жанру проклятия, включающие в себя формулу лишения силы проклятия и формулу его возврата проклиняющему.

Ключевые слова: устный речевой жанр, қарғыс, казахский язык, магическая функция слова, пропозиция, актанты, семантический тип, актор, топос

Для цитирования: Темиргазина З. К., Абзудинова Г. К., Сагынтаева Ж. К. Жанр проклятия 'қарғыс' в казахском языке: вера в магическую силу слова сохраняется до сих пор? // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The curse genre of 'Kargys' in the Kazakh language:
Is the belief in the magical power of the word still preserved?**

Z. K. Temirgazina[✉], G. K. Abzuldinova, Zh. K. Sagyntaeva

Margulan Pavlodar Pedagogical University, 60 Mira St., Pavlodar 140005, Kazakhstan

Zifa K. Temirgazina, zifakakbaevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Gulsum K. Abzuldinova, guleke160265@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Zhulduz K. Sagyntaeva, abitovad@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

Abstract. The speech genre of curse analyzed in the article belongs to the most ancient genres of oral communication in Kazakh culture. It is based on belief in the magical function of the word, in the ability to bring harm and evil to the cursed with the help of magical powers. Kargys is a pattern, its stable verbal formulas are preserved in the linguistic consciousness of the modern native speakers, despite the fact that the archaic foundations of the pattern may not be fully understood by them. The aim of the article is to analyze the aspects of the propositional structure of the genre of curse in the Kazakh language, to typologize the nature of harm and evil inflicted on the addressee, to identify some cultural, linguistic and pragmatic features of the speech genre. For example, for the feasibility and strength of the influence of the kargys, the status of the one who curses and the one who is cursed is important – the age, the family, the social status. The objectification of the verbal predicate in the kargys is significant and fundamental, even the contracted forms preserve it. The actants in the structure of the proposition of curse are optional; their elimination is carried out on various semantic and pragmatic grounds. The Kazakh language provides formulas for counteracting the destructive genre of curse, including the formula for depriving the force of the curse and the formula for returning it to the one who curses.

Keywords: oral speech genre, kargys, the Kazakh language, magic function of a word, proposition, actants, semantic type, actor, topos

For citation: Temirgazina Z. K., Abzuldinova G. K., Sagyntaeva Zh. K. The curse genre of 'Kargys' in the Kazakh language: Is the belief in the magical power of the word still preserved? *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-110-117>, EDN: VHAOGM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проклятие относится к древнейшим устно-речевым жанрам и представляет собой вербализованное пожелание зла кому-либо, основанное на убеждении носителей архаического сознания в магической силе слова [1: 8]. В этнолингвистическом словаре оно определяется как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком – нарушителем законов и обычаев. Произнесение П. регламентировалось в соответствии с обстоятельствами» [2: 286]. Е. Л. Березович говорит о первичной функции речевого жанра (далее РЖ) проклятия и последующем расширении его функций: «Изначально проклятия несли магическую функцию – покарать словом, затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции “эмоциональной разрядки”» [3: 67]. Изменив свою первичную магическую функцию в ее изначальном архаическом ритуальном представлении, РЖ проклятия активно функционирует в речи современных носителей языка и культуры как пожелание зла кому-либо в эмоционально напряженной конфликтной ситуации. Хотя исследователи и говорят о редуцированности или даже утрате проклятиями своего изначального магического предназначе-

ния, их употребление в современной речи, частотность и распространенность этого жанра показывает, что в области подсознательного и бессознательного человек упорно сохраняет веру в могущество слова, в его способность навредить. Иначе в ситуации острого эмоционального конфликта человек ограничивался бы использованием таких деструктивных жанров, как оскорбление, ругань, обзывание, поношение и т. п. [4], непосредственно не основанных на магической силе слова, и не прибегал бы к проклятиям как средству нанести обидчику моральный и физический вред.

К проклятию как лингвистическому объекту проявляли интерес Л. Н. Виноградова, И. А. Седакова [2], Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова [3], Л. Н. Виноградова [5], Л. В. Балашова [6], Д. В. Медведева, Н. А. Депутатова [7], И. В. Крюкова [8] и др. В монографии Т. Джем «Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech» [9] детально описаны психологические, социальные, религиозные и культурные факторы проклятия, выявлена его психолингвистическая природа, связь с речевой агрессией, описаны лексика, семантика и синтаксис проклятия в английском языке. Проклятию также посвящены англоязычные статьи Sh. H. Blank [10], Ch. F. Fensham [11] и др. В казахском языкознании проклятие исследовалось в работах С. Қасқабасова [1], Б. Оспана [12], Р. Ш. Байдуллаевой, Н. Б. Айнабекова [13], Б. Бопайұлы [14], Б. Уахатова [15] и др.

Одним из важнейших аспектов изучения проклятия является установление его культурно-специфических форм, обусловленных языческим, религиозным, мифологическим

мировоззрением носителей языка и культуры, в которой сформировался, бытует и до сих пор функционирует названный РЖ. «Устно-речевой жанр рассматривается нами как одна из самых древних форм человеческого бытия и трансляции культурных смыслов. Именно в нем можно найти отражение всех накопленных и отображенных народом ракурсов мировидения, его содержания, а также проекции своеобразного ощущения порядка жизни» [16: 83]. Проклятие определяется многими исследователями как речевая формула – шаблонное, клишированное высказывание, или паттерн. Паттерн как устойчивый образец социокультурного сознания и поведения стал объектом исследования в работе У. Лабова [17]. Культурные паттерны, обусловленные мифологическим, религиозно-мистическим и языческим мышлением, зафиксированы в типовых формулах речи, которые как бы «консервируют» их, даже если носители языка не до конца осознают их первоначальный смысл либо вообще утратили их понимание.

Цель статьи – определить особенности пропозициональной структуры устного речевого жанра проклятия в казахском языке, его семантические типы и культурно-языковые особенности. Материал извлечен из фразеологического словаря казахского языка І. К. Кеңесбаева (2007), были отобраны единицы с пометой “қарғыс” в количестве 247. В качестве методов исследования использовался анализ актантного состава пропозиции, заключенной в қарғысах; затем осуществлялся контент-анализ по характеру вреда и ущерба, семантическая типологизация қарғысов, анализ культурно-специфических метафор, лексического состава речевого жанра со стилистической точки зрения.

1. Пропозициональная структура казахского проклятия қарғыс

Қарғыс, или проклятие, типологически определяется казахскими исследователями как фольклорный жанр [1], их тексты включаются в собрания, антологии казахского фольклора [14; 15] и фразеологические словари [18]. Существительное қарғыс образовано от глагола қарғау в значении “проклинать; ругать” [19: 277], которое словообразовательно связано с глаголом қарғану “клясться” [19: 277]. Отметим, что в казахском, как и в русском языке, понятие проклятия семантически и словообразовательно связано с понятием «клятва». В этимологическом словаре тюркских языков слово қарғы имеет два значения “проклинать, клясть – во всех источниках” [20: 305].

Е. Л. Березович называет и характеризует типы актантов, входящих в пропозициональную структуру славянских проклятий: «Помимо

предиката, в устойчивую логическую структуру проклятий входят другие актанты, основные из них таковы: о б ъ е к т – лицо, которому желают зла, а к т о р, действующий в проклятии и призванный навредить объекту (субъект-каузатор действия), т о п о с – отдаленное/опасное место, куда должен отправиться проклинаемый» [3: 68–69]. Помимо перечисленных актантов, мы считаем необходимым включить в пропозицию говорящего – субъект, выражающий пожелание и произносящий проклятие, который обычно манифестируется местоимениями 1-го лица в перформативных проклятиях-декларациях *Я проклиная тебя!* [8: 13–14].

В казахском языке не используется перформативная форма 1-го лица единственного числа настоящего времени индикатива *қарғаймын* (букв. ‘проклиная’) от глагола *қарғау*. Казахи не говорят *Мен сені қарғаймын!* (‘Я тебя проклиная!’), а выбирают более нейтральную форму выражения проклятия, в которой не указывается говорящий как 1-е лицо. Иначе говоря, ответственность за произнесение проклятия говорящий прямо не берет на себя, так как это осуждаемое социумом деяние. Следовательно, в пропозиции элиминируется субъект речи: *Қарғыс атсын!* (‘Будь проклят!’); *Қарғыс сені атсын!* (‘Будь ты проклят!’); *Қарғыс тисін!* (‘Будь проклят!’); *Қарғыс саған тисін!* (‘Будь ты проклят!’) [18: 181]; *Антұрған!* (‘Пусть поразит тебя клятва!’ в значении “Будь проклят!”). Последнее выражение представляет собой композит *антұрған*: *ант* – ‘клятва’, *ұру/ұрған* – ‘поразить/поражать’.

Наиболее типичной формой глагольного предиката в казахских қарғысах является специфическая форма глагола в повелительном наклонении 2-го лица в предположительном значении, которая оформляется с помощью аффиксов *-ғыр/-гір*, *-қыр/-кір*: *Жәйрап қалғыр!* (‘Чтоб ты околел!’). Указанная форма глагола выражает оптативную модальность высказывания. И. Р. Крюкова называет этот тип злопожеланиями, в отличие от перформативных проклятий-деклараций и проклятий-пожеланий [8: 14]. Кроме этого, глаголы могут употребляться в форме повелительного наклонения 3-го лица с аффиксами *-сын/-сін*, *-тын/-тін*, *-дын/-дін*: *Жәйрап қалсын!* (‘Пусть околел!’).

Относительно облигаторности актантов высказывается мнение о необязательности всех актантов в структуре славянских проклятий: «Симптоматично, что ни один из актантов не является строго обязательным (эксплицированным в абсолютном большинстве текстов), в том числе предикат – при всей его принципиальной значимости. ... В ряде текстов предикат элиминируется и замещается другими компонентами логической структуры – например,

актером или топосом, которые берут на себя функцию главного «проводника» иллюкутивной цели (причинение вреда словом = действием)» [3: 69]. В казахских қарғысах также могут быть элиминированы все актаны – субъект речи, актер, топос, кроме глагольного предиката. Нами не выявлены случаи устранения из пропозициональной структуры глагольной формы, усеченные формы проклятия также сохраняют предикат: *Жайрағыр!* ('Чтоб ты околел!'); *Жүгірмек! Жүгірмек сол!* ('Чтоб ты не смог ходить/бегать!').

Актаны в пропозициональной структуре казахского қарғыса не несут облигаторный характер в силу разных причин:

1) субъект-говорящий не обозначает себя из-за страха и опасения, что произносящий проклятие совершает не одобряемое социумом, табуированное действие и мистическое зло может обернуться против него самого [21];

2) адресат проклятия известен из ситуации, так как жанр проклятия всегда совершается в непосредственной межличностной коммуникации – лицом к лицу и не требует обязательной манифестации адресата; иногда название его является семантически избыточным, так как в глагольной форме содержится указание на форму 2-го лица;

3) актер, призванный субъектом речи навредить адресату, тоже не всегда обозначается, так как в языковом сознании казахов существует социокультурный паттерн как устойчивое представление о магических силах, демонах, злых духах, способных осуществить призываемую кару.

Одним из существенных содержательных признаков РЖ проклятия является культурный паттерн «вред проклиняемому человеку наносится воздействием мистических сил, вызванных проклинаящим». Так, Л. В. Балашова полагает, что для проклятия «принципиально значимым становится мистический/религиозный фактор: негативные последствия для объекта/адресата должны произойти в результате действия третьих (сакральных) сил» [6: 12]. В казахских қарғысах актером традиционно выступают персонажи народной демонологии *сайтан* ('черт'), *пері* ('чертовка'), *аруақ* ('духи предков'), *Тәңір* ('Тенгри') и др.: *Сайтан алғыр!* ('Чтоб тебя шайтан забрал!'); *Аруақ атқыр/ұрғыр!* ('Чтоб тебя духи предков наказали!') [18: 30]; *Тәңір алғыр!* ('Чтоб тебя Тенгри забрал!') [18: 30]. В качестве топоса в қарғысах упоминается могила или тот свет – мир мертвых, куда желательно отправить прокливаемого [22]: *Көріңде өкіргірі!* ('Чтоб ты ревел в могиле!'); *Екі дүниеден қызық көрмегірі!* ('Чтоб ты не видел счастья ни на этом, ни на том свете!').

Для казахов важно, кем и по отношению к кому осуществляется ритуал проклятия, так как от этого зависит его осуществимость в реальности и сила проклятия. В пословицах *Ит қарғысы бөріге жұқпас* ('Собачье проклятие к волку не пристанет'), *Қой қарғысы бөріге жетпейді* ('Проклятие овцы до волка не дойдет') как раз говорится о том, что проклятие, наложенное человеком, статус которого ниже статуса адресата, не будет действовать, причем речь идет о возрастном, семейно-родственном, социальном статусе, а не о материальном. *Ит* ('собака') и *қой* ('овца') в мифологическом сознании казахов по иерархии ниже *бөрі* ('волк'), тотемного животного древних тюрков. Так, например, в глазах казахов, злопожелание детей в адрес родителей или младшего по возрасту в адрес старшего вполне может не иметь никакой силы. Зато очень большой магической силой обладают проклятия отца, матери или уважаемого старца – ақсақала.

Важно отметить, что в казахской речевой культуре предусмотрены способы ответного противодействия проклятию с помощью, во-первых, формулы лишения силы воздействия произнесенного проклятия: *Қарғысың қара тасқа!* ('Пусть твое проклятие останется без последствий!') [18: 182] и, во-вторых, формулы возврата проклятия, или "бумеранга": *Қарғысың қара басыңа көрінсін!* ('Пусть твое проклятие падет на твою голову!') [18: 182].

2. Семантические типы проклятия в казахском языке

Проведенный анализ семантики қарғысов позволил выделить несколько типов проклятий с учетом характера ущерба и вреда, направленного на прокливаемого: пожелание смерти; пожелание болезней и другого физического ущерба (травмы, ранений); пожелание нетрудоспособности и инвалидности; пожелание несчастий, невезения; пожелание вреда семье и роду; пожелание материального ущерба.

1. Пожелание смерти. В проклятии используется либо прямая номинация *өлім* ('смерть'), либо образные выражения *жаны шығу* ('душа покидает'), *желкең қиылу* ('свернуть шею'), либо стилистически сниженные грубопросторечные глаголы *арам қату* ('сдохнуть'), *жәйрап қалу* ('околеть'): *Өлім келгірі!* ('Чтобы смерть тебя настигла!') [18: 289]; *Жаның шыққыр!* ('Чтоб душа из тебя вышла!') [18: 105]; *Желкең қиылғыр!* ('Чтоб ты свернул шею!') [18: 110]; *Арам қатқыр! Арам қат!* ('Чтоб ты сдох как поганый/как падаль!') [18: 27]; *Жәйрап қалғыр! Жәйрап қалсын! Жәйрап қал!* или усеченные варианты этого выражения *Жайрағыр! Жайрағыр сол!* ('Чтоб ты околел!') [18: 97]. Часто выражается пожелание умереть молодым:

Қыршыныңнан қиылғыр! ('Умереть тебе в молодом возрасте!') [18: 207]; *Қаршадай солғыр!* ('Чтоб ты умер молодым!') [18: 207]. В проклятии могут упоминаться отдельные события, действия, предметы, имеющие отношение к ритуалу смерти – похороны, погребение, могила: *Қара сорпаңды ұрттатқыр!* ('Чтобы мне на твоих похоронах есть ритуальную пищу!') [18: 181]; *Көмусіз қалғыр!* ('Остатья тебе непогребенным!'); *Көріңде өкіргір!* ('Чтоб ты ревел в могиле!') [18: 228]. Обозначение похорон образным выражением *қара сорпа* ('бульон черного цвета') очень специфично и связано с похоронным обрядом кочевников-тюрков, когда обязательной частью ритуала было жертвоприношение животного, а затем угощение участников сорпой – мясным бульоном жертвенного животного.

2. Пожелание исчезновения с лица земли, «пропадания», «забирания»: *Құрып қалғыр!* ('Пропади ты пропадом!') [18: 202]; *Адыра қалғыр!* ('Пропади пропадом!') [18: 27]; *Сайтан алғыр!* ('Чтоб тебя шайтан забрал!'); *Тәнір алғыр!* ('Чтоб тебя Тенгри забрал!') [18: 30]. Мистические силы, которые должны способствовать исчезновению, пропаданию человека, иногда эксплицируются (*сайтан*, *Тәнір*), но чаще остаются в имплицитивных смыслах высказывания. Примечательным является пожелание исчезновения не только самого человека, но даже его имени: *Атың құрысын!* *Атың өшкір!* ('Чтоб имя твое исчезло!') [18: 37].

3. Пожелание болезней, физического ущерба. Среди болезней упоминаются *алалес* ('проказа'), *қағын* ('воспаление'), *көк түйнек* ('болезнь детей'), *қара талақ* ('сильная боль в селезенке'); *Көк түйнек болғыр!* ('Чтоб ты заболел') [18: 150]; *Алалеске ұшрағыр!* ('Чтоб ты заболел проказой!') [18: 34]; *Қағынды келгір!* ('Чтоб заболел воспалением легких!') [18: 168]; *Қара талақ келгір!* ('Чтоб пришла сильная боль в твою селезенку!') [18: 182]. Физические повреждения касаются наиболее важных и функционально значимых частей тела – *бет* ('лицо'), *жүз* ('лицо'), *тіл* ('язык'), *ауыз* ('рот'), *жағы* ('челюсти'), *тамақ* ('глотка') [23]. Именно они оказываются самыми уязвимыми с точки зрения проклинающего: *Бетің тіліңгір!* ('Чтоб твое лицо было исполосовано!') [18: 67]; *Жүзің күйгір!* ('Чтоб лицо твоё обгорело!') [18: 119]; *Тілің кесілгір!* ('Чтоб твой язык был изрезан!') [18: 295]; *Жағың қарысқыр!* ('Чтоб твои челюсти свело!') [18: 98]; *Аузыңа құм куйылғыр!* ('Чтоб тебе в рот песок засыпался!') [18: 39]; *Тамағыңа тас тығылғыр!* ('Чтоб камень застрял в твоей глотке!') [18: 270]. Такое «внимание» к языку, рту, челюстям, глотке, видимо, обусловлено тем, что они принимают непосредственное активное участие в производстве устной речи в конфликтной ситуации,

и поражение этих частей является попыткой проклинающего заставить замолчать противоположную сторону. Среди внутренних органов упоминаются *іші* (живот), *бүйрек* (почки), *ішегі* (кишки): *Бүйрегің шыққыр!* ('Чтоб вылезли твои почки!') [13: 229]; *Ішің жарылсын!* ('Чтоб лопнул твой живот!'); *Ішегің үзілгір!* ('Чтоб у тебя кишки разорвались!') [18: 323]. Глагольные предикаты, используемые в этих проклятиях, носят интенсивный разрушительный характер: *жарылу* ('лопнуть'), *үзілу* ('разорваться'). Отдельно можно выделить пожелание ущерба психическому здоровью человека: *Ақылыңнан адасқыр!* ('Чтоб ты с ума сошёл!') [18: 19].

4. Пожелание инвалидности, нетрудоспособности: *Қолың сыңғыр!* ('Чтоб твои руки сломались!') [13: 229]; *Көзің аққыр!* ('Чтоб твои глаза вытекли!') [18: 146]; усеченные варианты проклятий *Жүгірмек!* *Жүгірмек сол!* ('Чтоб ты не смог ходить/бегать!'). В выражении *Қолың көтіңе жетпегір!*, дословно означающем 'Чтоб твои руки не доставали до задницы!', реальная ситуация неспособности человека выполнять элементарные действия образно интерпретируется как общая нетрудоспособность и инвалидность. Выражение приобретает значение "Чтоб ты стал нетрудоспособным/инвалидом!"

5. Пожелание несчастий, голода, постоянного невезения: *Екі дүниеден қызық көрмегір!* ('Чтоб ты не видел счастья ни на этом, ни на том свете!'); *Бағың ашылмасын!* ('Пусть сопутствует тебе невезение!') [13: 228]; *Жетпегір!* ('Чтоб ты не достиг своего!'); *Қыршың қиылғыр!* ('Чтоб пресеклась твоя молодость!') [18: 207]; *Құлқыны құрсын!* ('Чтоб никогда не насытился!') [13: 226].

Проклятие *Шашың кесілсін!* ('Пусть будут отрезаны твои волосы!') в значении "Пусть будет отрезано твое счастье/ отрезана дорога к счастью!" относится к гендерно ориентированным. Оно адресуется только женщинам. Волосы у казахов имеют сакральное значение: их нельзя сжигать, разбрасывать где попало, бросать в мусор, наступать на них. Волосы, по поверью, – это сила, счастье, благополучие, успех и удача. Отрезать волосы означает "отрезать дорогу, свое счастье". Волосы у девочек подстригали один раз – когда исполнялось сорок дней со дня рождения. Проклятие *Қара шашы жайылсын!* ('Чтоб тебе распустить волосы!') [18: 181] тоже адресуется женщинам и девушкам и означает "Чтоб у тебя умер кто-нибудь из близких!" Это выражение связано с обычаем распускать волосы при оплакивании близкого человека – отца, мужа и т.д. Таким образом, метафорическая форма выражения этих проклятий основана на специфических культурных традициях, которые могут быть поняты носи-

телем другого языка и культуры с помощью дополнительных пояснений и комментариев.

6. Пожелание вреда семье и роду. В проклятиях содержалось пожелание пресечения рода: *Қу бас қал!* ('Чтоб остался одиноким!') [18: 194]; *Тұқымың құрғыр!* ('Чтоб исчезло твое семья!') [18: 287]; *Көктемегір!* ('Чтоб тебе не зеленеть!' в значении "Чтоб ты не имел детей/потомства!"). К. Уразаева пишет о значимости подобных проклятий для казахов, поскольку они издревле сохраняли родовой уклад и родовые традиции, продолжателями которых были дети: «... Самое большое сочувствие человеку было связано с отсутствием детей. Не случайно по этой же логике самым страшным проклятием у казахов является "көктемегір", дословно "не зеленеть", т. е. не иметь продолжения рода» [24]. В эту же группу входят пожелания смерти и несчастий семье: *Түндігің ашылмасын!* ('Чтоб был закрыт твой дом!'); *Қатын-бала шағаң шулап қалғыр!* ('Чтоб твои дети и жена остались без присмотра и заботы!') [13: 227].

7. Пожелание материального ущерба, бедности, лишения достатка. Эта семантическая группа проклятий касается преимущественно главного богатства казаха-кочевника – мал ('скот'): *Мал көрмегір!* ('Быть тебе без скота!') [18: 213]; *Малың қырылғыр!* ('Чтобы твоя скотина передохла!') [18: 214]. В ряде проклятий формальным адресатом выступает скот (верблюды, овцы, коровы, козы), на которых насылаются конкретные болезни – *сап* ('чума'), *топалан* ('сибирская язва'), *қарасан* ('эмхар'), *мәлік* ('верблюжья болезнь'), *бықырт* ('болезнь овец'), *көк шешек* ('болезнь коз'), *кебенек* ('болезнь коз'): *Сап болғыр!* ('Пусть нападет на твой скот чума!'); *Топалаң болғыр!* ('Пусть нападет сибирская язва!'); *Мәлік келгір!* ('Пусть на верблюдов падет болезнь!') [13: 228]; *Бықырт тигір!* ('Пусть нападет на твоих овец болезнь!') [18: 304]; *Қарасан келгір!* ('Пусть нападет на коров эмхар!') [18: 181]; *Көк шешек келгір!* ('Пусть придет козья болезнь!'); *Кебенек келгір!* ('Пусть придет козья болезнь!') [18: 150].

Реже пожелание ущерба касается других видов собственности – земли, пастбищ, дома, домашней утвари: *Өрісіңді өрт алғыр, жайлауыңды жау алғыр!* ('Чтоб землю твою охватил пожар, а твоими пастбищами завладел враг!') [18: 241]; *Үйің күйгір!* ('Чтоб сгорел твой дом!') [18: 302]; *Қазаның қақ айырылғыр!* ('Чтоб твой казан раскололся надвое!') [18: 169].

Воздействующая перлокутивная, или «магическая», сила проклятий определяется, помимо статусных взаимоотношений проклинающего субъекта и адресата, о чем мы говорили выше, аксиологическим фактором. Иначе говоря, она зависит от места, которое занимает в ценностной картине мира языкового сообщ-

ества объект проклятия (понятие, предмет и т. п.). Чем выше место объекта в иерархии ценностей, тем сильнее перлокутивный эффект воздействия на адресата.

3. Теріс бата – «благословение наоборот»

Исследователи отмечают тесную взаимосвязь речевых жанров *бата* ('благословение', или 'благопожелание') и *қарғыса*, определяя их как «двуединный феномен, существующий в языке, функциональное назначение которых заключается в прагматической нацеленности первого на установление и поддержание психологического комфорта при общении, тогда как функция проклятий заключается в том, чтобы вызвать у оппонента негативные чувства, причинить ему моральный урон, снизить уровень его самооценки» [16: 82]. С аксиологической и прагматической точек зрения эти РЖ противостоят друг другу, однако в казахской культуре существует специфический речевой жанр *теріс бата* ('благословение наоборот' или 'обратное благословение'), в котором они некоторым образом совмещаются. Это своеобразный вид проклятия, отличающийся от традиционного тем, что, во-первых, словесное выражение обязательно сопровождается таким важным невербальным элементом обряда, как жест рук, направленный ладонями от себя. Во-вторых, его вербализация не является паттерном, шаблоном, как в традиционных *қарғысах*; *теріс бата* носит свободный, спонтанный характер выражения. «У "теріс бата" нет конкретного текста, потому как казахи руководствуются правилом "держишься подальше от *теріс бата*". Но если подобное все же случалось, осмелившийся пойти на это сам решал, что говорить» [12].

Б. Оспан описывает случай применения *теріс бата*, которое совершил узнавший о гибели единственного ребенка, убитый горем отец в адрес хана Кене и батыра Ағыбая:

*Бостан бай слезы лил, как из ручья,
Напился горя сполна, теперь и жизнь ничья.
Узнав все, как было в проклятом походе,
Ладони от себя протянув, промолвил слова:
– Народ уважает тебя, хан мой Кене,
Что ты сделал средь ясного дня?
Перевернув вверх дном все в моем ауле,
Чего ты добился, в чем обида твоя?
Ты сразился с безвинной душой,
Я обливаюсь черной слезой [12].*

Обряд *теріс бата* считается у казахов табуированным и, соответственно, крайне редким, решиться на него мог человек лишь в исключительных случаях, отчасти оправдывающих использование этого обряда.

Заключение

Таким образом, устный речевой жанр проклятия представляет собой сугубо специфическую систему семантико-прагматических, лингвокультурных и функционально-стилистических черт, которая возникла в архаическом сознании и является порождением мистических, языческих и религиозных воззрений на магию слова. Рассматриваемый речевой жанр относится к древнейшим жанрам фольклора и представляет собой вербальные паттерны, устойчивые формулы которого сохраняются в языковом сознании современных носителей языка, хотя архаические основы паттерна могут не всегда осознаваться ими. Функциони-

рование проклятий в современной устной речи свидетельствует о том, что вера в магическую функцию слова не утрачена и, возможно, сохраняется на уровне подсознания носителей языка.

Актанты в пропозициональной структуре проклятия факультативны, могут быть опущены по различным семантико-прагматическим условиям. Обязателен только предикат в силу его принципиальной значимости, он сохраняется даже в усеченных формах РЖ проклятия. На основе характера вреда и зла, направленного на адресата, выделены и проанализированы семь групп проклятий, которые обладают комплексом семантико-прагматических и культурно-языковых особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касқабасов С. Ойөріс. Алматы : Жібек Жолы, 2009. 303 б.
2. Виноградова Л. Н., Седякова И. А. Проклятие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого: в 5 т. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 286–296.
3. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 2 (23). С. 67–81.
4. *Temirgazina Z.* Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations // *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24, № 6. P. 822–825.
5. Виноградова Л. Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст: Генезис и структура. М. : Индрик, 2005. С. 425–440.
6. Балашова Л. В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 6–29. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>
7. Медведева Д. В., Депутатова Н. А. Речевой акт проклятия в английском языке // *Terra Linguae*. 2019. № 5. С. 185–189.
8. Крюкова И. В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 21 с.
9. Jay T. Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts, 2000. 328 p.
10. Blank Sh. H. The curse, blasphemy, the spell, and the oath // *Hebrew Union College Annual*. 1950–1951. Vol. 23, № 1. P. 73–95.
11. Fensham F. Ch. Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East // *The Biblical Archaeologist*. 1962. Vol. 25, № 2. P. 48–50.
12. Оспан Б. Проклятие по-казахски: теріс бата — «благословение наоборот». 2017. URL: <https://365info.kz/2017/12/proklyatie-po-kazahski-teris-bata-blagoslovenie-naoborot> (дата обращения: 12.09.2021).
13. Байдуллаева Р. Ш., Айнабеков Н. Б. Благопожелания и проклятия как языковая универсалия (контрастивно-прагматический анализ) // *Вестник науки Южного Казахстана*. 2018. № 4 (4). С. 225–231.
14. Бопайұлы Б. Қазақтың алғыстары мен қарғыстары. Алматы : Бастау, 2003. 112 б.
15. Уахатов Б. Қазақтың халық өлеңдері. Алматы, 1974. 75 б.
16. Байдаулетова Н. Р., Кенжебаева А. А. Благопожелание как особый жанр устно-речевого дискурса (на основе материалов казахского и китайского языков) // *Вестник КазНУ. Серия востоковедения*. 2016. № 3 (78). С. 82–85.
17. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. 314 p.
18. Кеңесбаев І. К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы: Қазақпарат, 2007. 356 б.
19. Бектаев К. Б. Үлкен қазақша – орысша, орысша – қазақша сөздік. Алматы : Алтын қазына, 2001. 704 б.
20. Этимологический словарь тюркских языков / общ. ред. Г. Ф. Благова. М. : Языки русской культуры, 1997. 363 с.
21. Темірғазина З. К., Жақұпова Г. К. Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12, № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>
22. Темірғазина З. К., Ибраева Ж. Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*. 2021. № 72. С. 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>
23. *Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul S., Shaharman A., Kurmanova Z., Kairova M.* Metaphors in Anatomical Terminology // *Space and Culture, India*. 2019. Vol. 7, № 1. P. 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>
24. Уразаева К. Имя по приметам // *Диапазон*. 2010. URL: <https://azh.kz/ru/news/view/4988> (дата обращения: 20.08.2021).

REFERENCES

1. Kaskabasov S. *Oyoris* [Reflections]. Almaty, Zhıbek Zholy Publ., 2009. 303 p. (in Kazakh).
2. Vinogradova L. N., Sedakova I. A. Curse. In: *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'. Pod obsh. red. N. I. Tolstogo: v 5 t. T. 4* [Tolstoy N. I., ed. Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.

Vol. 4]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2009, pp. 286–296 (in Russian).

3. Berezovich Ye. L., Surikova O. D. On the reconstruction of the lexical composition of Russian national curses: General characteristics of the predicate of curse. *Jezikoslovni zapiski*, 2017, no. 2 (23), pp. 67–81 (in Russian).

4. Temirgazina Z. Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24, no. 6, pp. 822–825.

5. Vinogradova L. N. Formulas of threats and curses in Slavic conspiracies. In: *Zagovornyy tekst: Genesis i struktura* [Spell text: Genesis and structure]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 520 p. (in Russian).

6. Balashova L. V. Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 6–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>

7. Medvedeva D. V., Deputatova N. A. Speech act of damnation in English. *Terra Linguae*, 2019, no. 5, pp. 185–189 (in Russian).

8. Kryukova I. V. *Speech act of damnation and lexical and grammatical means of its implementation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2011. 21 p. (in Russian).

9. Jay T. *Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech*. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts, 2000. 328 p.

10. Blank Sh. H. The Curse, Blasphemy, the Spell, and the Oath. *Hebrew Union College Annual*, 1950–1951, vol. 23, no. 1, pp. 73–95.

11. Fensham F. Ch. Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East. *The Biblical Archaeologist*, 1962, vol. 25, no. 2, pp. 48–50.

12. Ospan B. *Curse in Kazakh: Teris bata – “blessing in reverse”*. 2017. Available at: <https://365info.kz/2017/12/proklyatie-po-kazahski-teris-bata-blagoslovenie-naoborot> (accessed September 12, 2021) (in Russian).

13. Baydullayeva R. Sh., Aynabekov N. B. Good wishes and curses as a linguistic universal (contrastive-pragmatic analysis). *South Kazakhstan Science Herald*, 2018, no. 4 (4), pp. 225–231 (in Russian).

14. Bopayuly B. *Kazaktyn algystary men karгыstary* [Kazakh good wishes and curses]. Almaty, Bastau Publ., 2003. 112 p. (in Kazakh).

15. Uakhatov B. *Kazaktyn khalyk olenderi* [Kazakh folk works]. Almaty, 1974. 75 p. (in Kazakh).

16. Baydauletova N. R., Kenzhebaeva A. A. Wish as a special genre of oral discourse (based on materials of the Kazakh and Chinese languages). *Scientific Journals Al-Farabi Kazakh National University. Oriental Studies*, 2016, no. 3 (78), pp. 82–85 (in Russian).

17. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 314 p.

18. Kenesbaev I. K. *Kazak tilinin frazeologiyalyk sozdigi* [Phraseological dictionary of the Kazakh language]. Almaty, Kazakparat Publ., 2007. 356 p. (in Kazakh).

19. Bektaev K. B. *Ulken kazaksha – oryssh, oryssh – kazaksha sozdik* [Large Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary]. Almaty, Altyn kazyna Publ., 2001. 704 p. (in Kazakh).

20. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshch. red. G. F. Blagova* [Blagov G. F., ed. Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 363 p. (in Russian).

21. Temirgazina Z. K., Zhakupova G. K. Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

22. Temirgazina Z. K., Ibrayeva Zh. B. Observer in poetic narrative (on the example of P. Vasiliev's poems). *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 72, pp. 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16> (in Russian).

23. Temirgazina Z., Akosheva M., Yrysgul S., Shahrman A., Kurmanova Z., Kairova M. Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>

24. Urazayeva K. Name by signs. *Diapazon*, 2010. Available at: <https://azh.kz/ru/news/view/4988> (accessed August 20, 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 23.12.2021
The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 23.12.2021